

ТИПОВЫЕ НАПЕВЫ *КОЖАМЫК* ТУВИНЦЕВ-ТОДЖИНЦЕВ

Тирон Екатерина Леонидовна, младший научный сотрудник, сектор фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск, РФ).
E-mail: krupich_katja@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретического осмысления категории «типовой напев», отражающей некоторые существенные характеристики песенных традиций ряда тюркских народов Сибири. На материале жанра *кожамык* песенной традиции одного из коренных малочисленных народов Сибири – тувинцев-тоджинцев (малочисленная субэтническая группа тувинцев, компактно проживающая в северо-восточной части Республики Тыва и занимающаяся оленеводством, скотоводством и охотой) – рассматривается состав, распространенность и функционирование типовых напевов. Цель статьи заключается в установлении основных признаков типовых напевов данного этноса.

Автор статьи опирается на методы исследования песенных традиций, разработанные в отечественном этномузыкознании. Используются также подходы, развивающиеся в сибирском этномузыкознании в последние годы (теория интонационной культуры этноса, ареальные исследования, типология песенных традиций). Так, типовые напевы, широко распространенные в целом ряде сибирских интонационных культур (алтайских, бурятской, казахской, сибирско-татарских, тофаларской, тувинской, хакасской, шорской и др.), являются, тем не менее, мало исследованным феноменом.

Основной результат исследования – выявление особенностей присутствия в тоджинских *кожамык* таких признаков типовых напевов, как неприуроченность, политекстовость и типизированность структуры. В частности, автор приходит к выводу, что типизированность структуры в песнях тоджинцев ярче проявляется в области слогоритмики, а звуковысотный фактор оказывается более подвижным.

Ключевые слова: тувинцы-тоджинцы, музыкальный фольклор, народные песни, типовые напевы, этномузыкология.

MODEL TUNES OF KOZHAMYK OF THE TUVA-TOJUS

Tiron Ekaterina Leonidovna, Junior Researcher, Sector of Siberian People's Folklore, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail:krupich_katja@mail.ru

The phenomenon of model tunes is found out in song traditions of various Siberian peoples: Altaians, Buryats, Kazakhs, Siberian Tatars, Tofalars, Tuvinians, Khakasses, Shors, etc. Model tunes are also inherent to the song tradition of Tuva-Toju, a native minority of the North East part of Tuva Republic. The essay is based on the field data of Novosibirsk Conservatoire collected in the close of the XX century. Essential characteristics of the notion "model tune" are local circulation, non-attachment, polytextuality, and typified structure.

Tuva-Tojus inhabiting villages Toora-Khem, Iy, Adyr-Kezhig use a limited number of tunes (19) to perform *kozhamyks*. Non-attachment and polytextuality, polytextuality and typified structure are interrelated. For example, a *kozhamyk* is mainly a non-attachment genre and may be performed in various situations including some calendar and family rituals. The situation of performing a song causes the content of poetic text improvised during the performance. Themes of *kozhamyks* vary a lot, but the main image and thematic spheres are love, relations between clans, and laudation of nature (small motherland).

The model tunes are used as a constant element for improvisation of poetic texts. The typified structure of *kozhamyks* of Tuva-Tojus is manifested primarily in the field of rhythm, the modal factor is more flexible. The syllabic structure of poetic texts is based on repeat of 8-syllabic lines organized in 4-lined verses. There can be 6-, 7-, and 9-syllabic lines. In the tune lines are equated in length by means of typified syllabic rhythm. In Tuva-Toju tradition 5 types of typified syllabic rhythm are discovered. The 1st and the 2nd types are presented in 4 tunes each, the 3rd type – in 8 tunes, the 5th type – in 2 tunes, the 4th type – in one tune.

The repertoire of performers offers one to four tunes, but most times they use only one of these tunes. The tunes are not reserved for certain performers. The performers of one village prefer to choose similar syllabic rhythm types. It is possible that precedently the choice of a syllabic rhythm type was a result of a performer's belonging to a certain clan.

Keywords: Tuva-Toju, musical folklore, folk songs, model tunes, ethnomusicology.

Кожамык является одним из основных жанров песенной традиции тувинцев-тоджинцев³, наряду с жанром *ыр* [12]. Материалом для исследования послужили 58 образцов *кожамык*, записанных от 20 исполнителей сотрудниками и студентами Новосибирской консерватории в экспедициях 1997 и 1999 году в селах Тоора-Хем, Ий, Адыр-Кежиг Тоджинского района Республики Тыва⁴.

Одной из главных характеристик жанра является наличие типовых напевов. Наиболее полное

определение термина «типовой напев», основанное на анализе алтайских, казахских, тофаларских, тувинских, хакасских, шорских песенных традиций, дано Г. Б. Сыченко: «Типовые напевы – мелодии, распространенные в данной локальной традиции и характеризующиеся несколькими признаками: неприуроченность к конкретному обряду, времени, месту и т. п.; политекстовость (то есть возможность импровизировать весь вербальный репертуар на одну мелодию); типизированность структуры» [17, с. 202].

Рассмотрим проявление перечисленных признаков типовых напевов применительно к тоджинским песням. Действительно, тувинцы-тоджинцы для исполнения *кожамык* используют ограниченное число напевов, распространенных в данной местности. Возможно, что часть из них могла быть заимствована из других районов Тывы. Перспективной задачей для исследователей тувинской и тоджинской музыки является

³ Тувинцы-тоджинцы – коренной малочисленный народ северо-восточной Тувы, занимающийся оленеводством, скотоводством и охотой [2].

⁴ Экспедиции проведены в рамках ФЦП «Интеграция науки и высшего образования», проект № 806, руководитель проекта В. В. Мазепус. В экспедициях участвовали Г. Б. Сыченко (руководитель), О. В. Дондупова (Новикова) в 1997 году и Н. М. Скворцова в 1999 году.

картографирование типовых напевов *кожамык*. В настоящее время ведется изучение Эрзинской и Сут-Хольской песенных традиций, анализируются архивные материалы Тувинского института гуманитарных исследований, записанные в различных районах Тувы [3; 10; 15]. Это позволит выявить распространенность типовых напевов, а также, на основе сравнительного анализа архивных материалов и современных записей, определить пути возможных заимствований.

Кожамык тувинцев-тоджинцев является преимущественно жанром, неприуроченным к определенному месту и времени. По свидетельствам информантов, *кожамык* может звучать как в дороге, в тайге, так и на стоянке или в населенном пункте, во время работы или досуга, в одиночестве или в компаниях. По отношению к песенной традиции в целом существует запрет на исполнение в некоторых сакральных зонах, например, на перевале, где нельзя петь, громко разговаривать и вообще шуметь, чтобы не рассердить горных духов-хозяев.

Некоторая связь *кожамык*с календарными и семейными обрядами все-таки усматривается. В частности, тоджинцы упоминают два календарных праздника, во время которых раньше звучали *кожамык*: это Новый год *Шагаа* и весенние молодежные игрища *Ойтулааи*. На *Ойтулааи* песенные диалогические состязания исполнителей *кожамык* проводились наряду с различными состязаниями: борьбой *хуреи*, играми и др. Имеются свидетельства о связи жанра с другими не-обрядовыми играми. Так, по сведениям Г. Б. Хертек, «были игры с песнями. *Кожамык* пели, когда играли в лапту, мячик, кошки-мышки»⁵.

На свадьбе могут исполняться особые вопросо-ответные формы *кожамык*, являющиеся своего рода состязаниями представителей разных родов. Кроме того, по словам Г. Л. Кол, тексты *кожамык* могут содержать «пожелание молодым, чтоб жизнь была хорошая (можно и на свадьбе петь)»⁶. По другим сведениям, полученным от Г. Б. Хертек, «жениху и невесте песен не поют»⁷. Более того, С. Д. Доржу вообще счита-

ет, что у тоджинцев «раньше свадьбы не было»⁸. Музыкальное наполнение свадебного обряда тоджинцев не было зафиксировано собирателями и исследователями. Упоминание о празднике *куда той* ‘свадебный пир’, который проводился два-три дня с момента приезда жениха в *аал* невесты, имеется у С. И. Вайнштейна только относительно скотоводов-тоджинцев [2, с. 138]. О свадебном пирушестве оленеводов-тоджинцев ничего не известно.

Из других переходных обрядов тоджинцами упоминается *Уругбажыкезер той* ‘Праздник первой стрижки ребенка’, где *кожамык* исполняется во время застолья, после благопожеланий *йөрээл*. У тоджинцев имеются также исполняемые на типовые напевы проклятия *каргыш-кожамык* [16]. Итак, жанр *кожамык* оказывается связанным, с одной стороны, с состязательностью (парней и девушек, представителей разных родов и т. п.), с другой стороны, с добрым или негативным пожеланием.

Обилие возможных ситуаций исполнения *кожамык* (приуроченных и неприуроченных) возникает благодаря необычайной мобильности жанра, в котором импровизируемый текст (к месту, по случаю) свободно сочетается с одним из типовых напевов. Другими словами, напевы *кожамык* являются политекстовыми. Ситуация исполнения песни обуславливает содержание поэтического текста. Тематика *кожамык* может быть самой разнообразной, основными же являются три образно-тематические сферы: любовная сфера, сфера межродовых отношений и сфера восхваления природы, родных мест (малой родины) [5].

Политекстовость напевов неразрывно связана с признаком типизированности структуры, который в тоджинских *кожамык* проявляется в первую очередь в области ритма. Поэтический текст песен основан на силлабической системе стихосложения, а именно, на повторе восьмисложных строк (подробнее см. в [13]), группирующихся в четырехстишные строфы. Равная (или почти равная) по слоговому составу строка в напеве получает равную протяженность за счет типизированности слогоритма. Весь выявленный круг напевов тоджинских *кожамык* исполняется на один из пяти слогоритмических типов (далее – СРТ) строк *кожамык* (см. табл. 1).

⁸ Там же. С. 28.

⁵ Полевой дневник Г. Б. Сыченко 1997 года. – С. 12.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 15.

Типовые напевы кожамык

№ напева	СРТ	Исполнители	Количество образцов			Количество стрóf		
1	1 εθεθ : εθεθ	Кол Н. Т.	13	14	18	23	25	30
		Доржу С. Д.	1			2		
2		Комбукай Л. О.	2	2		3	3	
3		Кол Н. Т.	1	1		1	1	
4		Шошукпан К. К.	1	1		1	1	
5	2 εεθθ : εεθθ	Дажырган Б. Б.	5	5	11	13	13	31
6		Баалчын Д. И.	1	2		3	4	
		Чатпал А. К.	1			1		
7		Хертек Г. Б.	1	2		7	11	
		Кеский А. А.	1			4		
8	Бараан Ч. М.	2	2	3	3			
9	3 εεεε:εθεθ	Байыржап Т. Б.	3	4	21	12	14	48
10		Доржу С. Д.	1			2		
		11	Далдай А. К.	2		2	4	
Кол Г. Л.			6	9		12	18	
Ак К. С.			2			4		
Кол А. Д.		1	2					
12		Иргит Г. Л.	1	1		2	2	
13		Кол Н. Т.	1	1		3	3	
14		Комбукай Л. О.	1	1		2	2	
15		Чоодурай Х. М.	2	2		3	3	
16	Ак М. О.	1	1	2	2			
17	4 εεεθ : εεεθ	Далдай А. К.	3	5	5	4	8	8
		Чашпыяк К. Т.	3			5		
		Байыржап Т. Б.	1			1		
18	5 εεεε : εεεε	Самбайлык Е. Д.	1	2	3	3	4	6
		Иргит Г. Л.	1			1		
19		Кол Н. Т.	1	1		2	2	
Всего	5	20	58			123		

Необходимо отметить, что типовая слогоритмическая формула проявляется именно на уровне строки, хотя повторность (формульность) заметна и на уровне полустрок, совпадающих с поэтическими полустушиями. Выявляется четыре типа сегментов: $\varepsilon\varepsilon\varepsilon(a)$, $\varepsilon\varepsilon\theta(b)$, $\varepsilon\theta\theta(c)$, $\varepsilon\theta\theta(d)$. Четыре СРТ основаны на повторе сегментов: aa (5РТ), bb (4РТ), cc (2РТ) и dd (1РТ). Третий СРТ тип включает соединение различных сегментов ac .

Основными являются сегменты a и c , самостоятельность которых также обусловлена возможностью комбинироваться друг с другом⁹. В южноалтайской песенной традиции сегменты a и c выделяются в качестве стабильных первых четырехсложных сегментов семисложных строк [9]. В песенной культуре тофаларов функционирует только тип a , тип c , по-видимому, не встречается [8].

Сегменты b и d производны от a . Их образование осуществляется посредством тенденции ямбизации: сегмент b возникает при удлинении последнего элемента сегмента a , сегмент d – при помещении сегмента a в трехдольный ямбический контекст [9]. Причина появления вторичных сегментов может быть связана с влиянием ударения, приходящегося по нормам языка на последний слог слова, что в условиях преобладания в полустроках одного четырехсложного или двух двухсложных слов и привело к ямбизации исходного сегмента [13]. Подобная тенденция была выявлена при исследовании ритмики тофаларских песен [8].

Рассмотрим относительно более подвижный, по сравнению с временным, звуковысотный фактор. Типизация напева проявляется на уровне поэтической строфы, хотя мелодическая формульность заметна и на уровне попевок (полустрок). В нашей коллекции выявлено 19 типовых напевов (см. табл. 1). Отметим, что у разных сибирских народов количество типовых напевов песен весьма различается. Так, в алтайских и тофаларских песнях их менее десяти, в хакасских и бурятских песнях – более десяти, в сибирско-татарских песнях – несколько десятков [4; 7; 8; 9].

Типовые напевы тоджинских *кожамык* распределяются по СРТ неравномерно. Так, на 1-й и 2-й СРТ зафиксировано по четыре напева, на 3-й

тип – восемь напевов, на 5-й тип – два напева. Лишь 4-й СРТ представлен одним напевом, что, вероятно, объясняется ограниченным количеством анализируемых образцов.

В определении термина «типовой напев», приведенном выше, присутствует указание на локальность его распространенности. Нам показалось также важным исследовать вопрос о соотношении совокупности напевов и их исполнителей. Понятие «типовой напев» подразумевает такое качество, как регулярное использование напева несколькими исполнителями. В условиях ограниченного материала это качество не всегда подтверждается конкретными образцами, так как напевы могут быть записаны только от одного исполнителя. Такие напевы, с формальной точки зрения, являются индивидуальными, однако по структуре и функционированию в традиции они могут быть отнесены к типовым напевам. Рассмотрим этот вопрос на конкретном материале.

Семь напевов *кожамык* с уверенностью можно отнести к общераспространенным, а следовательно, к типовым, так как они записаны от двух и трех человек (см. табл. 1). Это напевы № 1, 6, 7, 9, 11, 17 и 18. Большинство же напевов зафиксировано от единственных исполнителей. Варианты некоторых напевов находим в опубликованных источниках. Так, аналогом типового напева *кожамык* № 3 является напев песни «*Кадарчы*» [1, с. 109], напева № 5 – напев песни «*Колхозчумен*» [1, с. 145], напева № 11 – напев песен «*Агитатор*» и «*Туттурбайн чорза-чорза*» [1, с. 127 и с. 147; 6, с. 102]. Данные напевы опубликованы как тувинские песни, поэтому у тоджинцевони могут быть заимствованными. Однако само их наличие позволяет усомниться в индивидуальной принадлежности напевов тоджинских *кожамык*.

Представленные в единственном исполнении напевы № 2, 4, 8, 10, 12–16 и 19 не имеют опубликованных вариантов. Все они обладают типизированной структурой, прежде всего на уровне ритмики, функционируют как типовые напевы, являясь политекстовыми. От единственных исполнителей на напевы № 2, 8, 10 и 15 записано несколько образцов с разными текстами. Образцы напевов № 12–14, 16 и 19 представлены несколькими строфами – двумя или тремя, некоторые из которых вполне могли бы быть исполнены отдельными песнями. Только напев № 4 реализован как однострофный образец. То, что записи напе-

⁹ Подобное функционирование сегмента отмечается и в песенном жанре *ыр* тувинцев-тоджинцев.

вов произведены только от одного исполнителя, скорее всего, являются случайным событием, и при проведении специального полевого исследования этот вопрос мог бы проясниться.

Большинство исполнителей выбирает только один типовой напев и комбинирует его с различными текстами. Существование от двух до четырех напевов зафиксировано в репертуаре шести исполнителей: Т. Б. Байыржап, А. К. Далдай, С. Д. Доржу, Г. Л. Иргит, Н. Т. Кол, Л. О. Комбукай. Это является еще одним доказательством в пользу общеизвестности напевов данного жанра.

Интересно отметить, что при существовании нескольких напевов в репертуаре исполнителей обязательно присутствует один напев 3-го СРТ, который сочетается с напевами 4-го или 5-го СРТ. Нетрудно отметить отсутствие напевов 2-го СРТ в этом ряду, то есть в репертуаре одного исполнителя по какой-то причине они не сочетаются с напевами других типов.

Некоторые схожие предпочтения в выборе СРТ отмечаются у исполнителей одного населенного пункта. Так, вс. Тоора-Хем поют *кожамык* на все СРТ, кроме 4-го, а 1-й СРТ зафиксиро-

ван только в этом поселке. Напев 4-го СРТ исполняется только жительницами с. Адыр-Кежиг (участницами самодеятельного ансамбля). Четыре опрошенных информанта с. Ий из пяти исполняют *кожамык* на 3-й СРТ. Напевы 2, 3, 5-го СРТ исполняются во всех обследованных населенных пунктах.

Таким образом, типовые напевы тоджинских *кожамык* представляют собой совокупность, или некое множество, более или менее близких напевов и их вариантов, из которых каждый исполнитель «выбирает» один или несколько излюбленных напевов для импровизирования песенного репертуара. При этом жесткая закреплённость конкретных напевов только лишь за одним исполнителем отсутствует.

Выбор исполнителем напева того или иного СРТ в настоящее время, по-видимому, определяется предпочтением социума данного населенного пункта. Возможно, что в прошлом на выбор напева *кожамык* влияла принадлежность исполнителя к тому или иному роду, но в настоящее время такая закреплённость завуалирована и является с трудом [14].

Литература

1. Аксенов А. К. Тувинская народная музыка. – М.: Музыка, 1964. – 254 с.
2. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Истор.-этнограф. очерки / отв. ред. Л. П. Потапов. – М., 1961. – 216 с.
3. Кан-оол А. Х. Песенная традиция в контексте интонационной культуры эрзинских тувинцев // Музыковедение. – 2010. – № 3. – С. 30–36.
4. Капицына Н. С., Кондратьева Н. М. Народные песни сибирских татар. – Новосибирск, 2013. – 172 с.
5. Крупич (Тирон) Е. Л. Образно-тематическая характеристика жанра *кожамык* тувинцев-тоджинцев // Мельниковские чтения: мат-лы второй регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 24–26 февр. 2005 года. – Новосибирск, 2007. – С. 303–308.
6. Кыргыз З. К. Песенная культура тувинского народа / ред. И. В. Мациевский. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1992. – 142 с.
7. Новикова О. В. Пентатоника в песенной традиции бурят. – Новосибирск, 2010. – 180 с.
8. Сковцова Н. М. Ритмическая структура тофаларских народных песен: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2003. – 301 с.
9. Сыченко Г. Б. Традиционная песенная культура алтайцев: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1998. – 291 с.
10. Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 годы) // От конгресса к конгрессу: мат-лы Второго Всерос. конгр. фольклористов: сб. докл. – М.: Гос. республик. центр рус. фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 281–299.
11. Сыченко Г. Б., Крупич (Тирон) Е. Л., Пинжина О. С. Типовые напевы в интонационных культурах тюрков Южной Сибири: проблемы изучения // Народная культура Сибири: мат-лы XV науч. семинара СВЦФ. – Омск, 2006. – С. 36–40.
12. Тирон Е. Л. Жанровая дифференциация лирических песен тувинцев-тоджинцев // Музыковедение. – 2014. – № 5. – С. 52–58.
13. Тирон Е. Л. Особенности стихосложения песен тувинцев-тоджинцев // Сибир. филол. журн. – 2013. – № 2. – С. 48–55.

14. Тирон Е. Л. Проявление оппозиции «свой – чужой» в текстах и напевах тоджинских *кожамык* // Оппозиция «свой – чужой» в языке, фольклоре, литературе, музыке, культуре: мат-лы Регион. гуманитар. форума науч. молодежи. – Новосибирск, 2015. (В печати). Тирон Е. Л., Юша Ж. М. Тувинские народные песни: мат-лы Архива Тувин. ин-та гуманитар. исслед. (1970-е годы) // Народная культура Сибири: мат-лы XXIII науч. семинара СРВИФ. – Омск, 2015. (В печати).
15. Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. – Новосибирск, 2009. – 166 с.
16. Syčenco G. Model tunes of the ‘short songs’ of the Chalkans // *Turcologica*. Band 97, 1. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 3. Ethnologische und lexikologische Untersuchungen. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. – P. 201–206.

References

1. Aksenov A.K. Tuvinskaia narodnaia muzyka [Tuva folk music]. Moscow, Music Publ., 1964. 254 p. (In Russ.).
2. Vainshtein S.I. Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Tuva-Tojus. Historical and ethnographic essays]. Moscow, Eastern Literature Publ., 1961. 216 p. (In Russ.).
3. Kan-ool A.Kh. Pesennaia traditsiia v kontekste intonatsionnoi kul'tury erzinskikh tuvintsev [The song tradition in the context of intonational culture of the Erzin Tuvas]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2010, no 3, pp. 30–36. (In Russ.).
4. Kapitsyna N.S., Kondrateva N.M. Narodnye pesni sibirskikh tatar [Folk songs of the Siberian Tatars]. Novosibirsk, Okarina Publ., 2013. 172 p. (In Russ.).
5. Krupich (Tiron) E.L. Obrazno-tematicheskaiia kharakteristika zhanra kozhamyk tuvintsev-todzhintsev [Imaginative and thematic characteristic of the genre kozhamyk of the Tuva-Tojus]. *Mel'nikovskie chteniia. Materialy vtoroi regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Melnikov's readings: Materials of the second regional scientific and practical conference]*. Novosibirsk, 2007, pp. 303–308. (In Russ.).
6. Kyrgys Z.K. Pesennaia kul'tura tuvinskogo naroda [Song culture of the Tuva people]. Kyzyl, Tuva Publishing House, 1992, 142 p. (In Russ.).
7. Novikova O.V. Pentatonika v pesennoi traditsii buriat [Pentatonic of song tradition of the Buryats]. Novosibirsk, Okarina Publ., 2010. 180 p. (In Russ.).
8. Skvortsova N.M. Ritmicheskaiia struktura tofalarskikh narodnykh pesen. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Rhythmic structure of Tofalar folk songs. Diss. Candidate of Art Criticism]. Novosibirsk, 2003. 301 p. (In Russ.).
9. Sychenko G.B. Traditsionnaia pesennaia kul'tura altaitsev. Diss. kand. iskusstvovedeniia. [Traditional song culture of the Altays. Diss. Candidate of Art Criticism]. Novosibirsk, 1998. 291 p. (In Russ.).
10. Sychenko G.B., Tiron E.L., Kan-ool A.Kh. Rezul'taty polevykh i nauchnykh issledovaniy Novosibirskoi konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009) [Results of the field research of the Novosibirsk Conservatory in Tuva Republic (1997–2009)]. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo kongressa fol'kloristov. Sbornik dokladov [From Congress to Congress. Proceedings of the Second All-Russian Congress of folklorists. Collection of papers]*. Moscow, 2011, Vol. 3, pp. 281–299. (In Russ.).
11. Sychenko G.B., Krupich (Tiron) E.L., Pinzhina O.S. Tipovye napevy v intonatsionnykh kul'turakh tiurkov Iuzhnoi Sibiri: problemy izucheniia [Model tunes in intonational cultures of the Turks of Southern Siberia: Problems of Study]. *Narodnaia kul'tura Sibiri. Materialy XV nauchnogo seminaru Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk Culture of Siberia: Proceedings of the XV Scientific Seminar of the Siberian regional High school center of folklore]*. Omsk, 2006, pp. 36–40. (In Russ.).
12. Tiron E.L. Zhanrovaia differentsiatsiia liricheskikh pesen tuvintsev-todzhintsev [Genre differentiation of lyrical songs of the Tuva-Tojus]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2014, no 5, pp. 52–58. (In Russ.).
13. Tiron E.L. Osobennosti stikhoslozheniia pesen tuvintsev-todzhintsev [Features of versification of songs of the Tuva-Tojus]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2013, no 2, pp. 48–55. (In Russ.).
14. Tiron E.L. Proivavlenie oppozitsii “svoi – chuzhoi” v tekstakh i napevakh todzhinskikh kozhamyk [Manifestation of opposition “ours – another’s” in the texts and melodies Todzha kozhamyk]. *Oppozitsiia “svoi – chuzhoi” v iazyke, fol'klоре, literature, muzyke, kul'ture. Materialy Regional'nogo gumanitarnogo foruma nauchnoi molodezhi [Opposition “ours – another’s” in language, folklore, literature, music, and culture. Materials of the Regional Humanitarian Forum young scientists]*. Novosibirsk, 2015. (In Russ., unpublished).
15. Tiron E.L., Iusha Zh.M. Tuvinskie narodnye pesni. Materialy Arkhiva Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (1970-e) [Tuva Folk songs: materials of the Archive of the Tuva institute of Humanities researches (the 1970th)]. *Narodnaia kul'tura Sibiri. Materialy XXIII nauchnogo seminaru Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'klору [Folk Culture of Siberia: Proceedings of the XXIII Scientific Seminar of the Siberian regional High school center of folklore]*. Omsk, 2015. (In Russ., unpublished).

16. Iusha Zh.M. *Obriadovaia poeziia tuvintsev: struktura i semantika [Ritual poetry of Tuva: structure and semantics]*. Novosibirsk, 2009. 166 p. (In Russ.).
17. Sychenko G. Model tunes of the 'short songs' of the Chalkans. *Turcologica. Band 97, 1. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 3. Ethnologische und lexikologische Untersuchungen*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2013, pp. 201–206. (In Russ.).